№ 26
4938
ЦА 148
П626
ЦА 148
П626

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

О ВОЙНѢ.

Отвѣтъ товарищу З. П.

3-й экз

Imprimerie «Union» 46, Bd St-Jacques, Paris
1914.

ЕНЕВСКАЯ
РЕВОЛ

3-й экз.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

№714
0.81
П.38
ЦА 148
П 626

О ВОЙНѢ.

АРХИВ. ИСТПАРТ Ф. № Л. ЦКРКП(б)

Отвѣтъ товарищу З. П.

Захарий Петров

Цѣна 15 сант.

3-й экз.

Imprimerie «Union» 46, Bd St-Jacques, Paris
1914.

Н

ЦА148
Р626

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

1100
28

Ц 6407 у

2010 г.

У
82

Санъ-Ремо 27 октября (нов. стиля) 1914 г.

Дорогой т. П.!

Я очень радъ былъ получить отъ Васъ вѣсточку, такъ какъ у меня сохранилось о Васъ самое лучшее воспоминаніе. Но письмо Ваше, помѣченное 27 сентября, только сегодня дошло до меня. Поэтому я опасаюсь, что отвѣтъ мой будетъ долго странствовать, прежде чѣмъ попадетъ въ Ваши руки. Но въ этомъ я не виноватъ: я сажусь отвѣчать Вамъ въ день полученія Вашего письма.

Вы слышали, что, по моему мнѣнію, всѣ славяне должны въ настоящее время стать на сторону россійской имперіи, русскаго царизма. Вы хотите знать, правда ли это, и Вы полагаете, что мой отвѣтъ будетъ важенъ для всѣхъ славянъ. Это послѣднее обстоятельство — очень лестно для меня. Но я считаю себя обязаннымъ замѣтить, что я не заслужилъ такого большого вниманія со стороны славянскаго міра.

Самъ будучи славяниномъ, я всегда интересовался жизнью славянъ и всегда очень сочувствовалъ имъ въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя выпадали на ихъ долю. Но я не только славянинъ. Я,—кромѣ того,—соціальдемократъ школы Маркса—Энгельса. Извѣстно, что соціальдемократы этой школы смотрятъ на общественныя явленія не съ точки зрѣнія *племени* или *національности*, а съ точки зрѣнія *класса*. И какъ ни сильно впечатлѣніе, произведенное на меня нынѣшней войною, — я не могу покинуть привычную для меня *классовую точку зрѣнія*. Съ Вами, какъ и со всякимъ другимъ славяниномъ, я готовъ разсуждать о задачахъ переживаемаго нами историческаго момента лишь при

томъ условіи, что Вы будете придерживаться той же классовой точки зрѣнія, т. е. *точки зрѣнія международнаго пролетаріата.*

До сихъ поръ отношеніе этого класса къ войнѣ было вполнѣ опредѣленно. Сознательный международный пролетаріатъ выступалъ самымъ рѣшительнымъ ея противникомъ и каждый разъ, когда на политическомъ небосклонѣ Европы собирались военныя тучи, онъ готовился къ болѣе или менѣе рѣшительнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ въ тѣхъ странахъ, правительства которыхъ своими происками нарушали европейскій миръ. Вы знаете, что въ авангардѣ международной арміи пролетаріата шла нѣмецкая соціальдемократія. Всѣ мы, соціальдемократы другихъ странъ, гордились ея успѣхами, всѣ мы возлагали на нее самыя большія надежды. Мы считали ее наиболѣе *революціонной* общественной силой нашего историческаго періода. Мы были твердо увѣрены въ томъ, что уже одно ея существованіе представляетъ собой надежнѣйшую гарантію прочности международнаго мира. Когда насъ спрашивали, что именно сдѣлаетъ германская соціальдемократія въ томъ случаѣ, если миръ будетъ нарушенъ, лично я всегда отвѣчалъ, что это будетъ зависѣть отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ вспыхнетъ война, но что уже теперь не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію одно: *германская соціальдемократія останется вѣрной своей революціонной природѣ и совершитъ максимумъ возможнаго въ данное время революціоннаго дѣйствія.*

До самаго конца іюля нынѣшняго года эта моя увѣренность оставалась непоколебимой. Я съ восторгомъ читалъ передовыя статьи центральнаго органа германской соціальдемократіи, направленныя противъ политики германскаго канцлера. Въ этихъ статьяхъ доказывалось, что именно эта политика грозитъ привести къ войнѣ, такъ какъ именно Берлинъ продиктовалъ вѣнскому правительству тотъ ультиматумъ, котораго Сербія никакъ не могла принять, если не хотѣла отказаться отъ своей независимости. Въ нихъ

доказывалось также, что Россія не можетъ не поддержать Сербіи, если не хочетъ потерять всякое вліяніе на балканскомъ полуостровѣ. Это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Но публицисты германской буржуазіи уже тогда разсуждали совершенно иначе: они уже тогда были ослѣплены шовинизмомъ, котораго оставались совершенно чужды публицисты соціальдемократіи. Эти послѣдніе смѣло выполняли тогда свою обязанность сознательныхъ пролетаріевъ, стоящихъ на международной точкѣ зрѣнія. Послѣдовательные до конца, они возставали противъ своей собственной страны, когда она готовилась совершить несправедливое дѣйствіе. Это-то и наполняло мое сердце гордостью...

Вы знаете, что въ концѣ іюля въ Брюсселѣ состоялся съѣздъ международнаго соціалистическаго бюро, сопровождавшійся большимъ международнымъ митингомъ противъ войны. Въ рѣчи, произнесенной на этомъ митингѣ, представитель германской соціальдемократіи, т. Гаазе, весьма прозрачно намекнулъ, что война можетъ послужить поводомъ для революціоннаго выступленія нѣмецкаго пролетаріата. Дѣлая этотъ ясный намекъ, онъ тоже оставался вѣрнымъ тому направленію, котораго издавна держалась соціальдемократія вообще и соціальдемократія его страны въ частности. Борясь съ германскимъ милитаризмомъ, нѣмецкіе соціальдемократы держались правила: «Keinen Mann! Keinen Groschen!». Естественно было ожидать, что въ тотъ моментъ, когда благодаря усиліямъ нѣмецкихъ имперіалистовъ, война изъ *опасной возможности* превратится въ *страшную дѣйствительность*, нѣмецкіе соціальдемократы не только откажутся поддержать ее хотя бы однимъ человѣкомъ или однимъ грошемъ, но такъ или иначе двинутъ противъ партіи имперіалистовъ всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы. Но увы! Произошло не то.

Въ историческомъ засѣданіи рейхстага, состоявшемся 4 августа, тотъ же т. Гаазе заявилъ, что соціальдемократическая фракція будетъ голосовать за

военный кредитъ и вообще приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Заявивъ это, онъ выразилъ ту надежду, что поведеніе его партіи будетъ одобрено Интернаціоналомъ, который всегда признавалъ право каждаго народа на независимое существованіе. Я не повѣрилъ буржуазному «Le Temps», въ которомъ я впервые прочелъ объ этомъ заявленіи Гаазе. Я говорилъ себѣ: «если германская соціальдемократія такъ кстати вспомнила то положеніе Интернаціонала, что каждый народъ имѣетъ право на существованіе, то она не могла забыть, что Германія начала войну циничнымъ нарушеніемъ нейтралитета Люксембурга и Бельгіи».

Сослаться на то, что каждый народъ имѣетъ право на самоопредѣленіе и въ то-же время умолчать о Люксембургѣ и Бельгіи, значило погрѣшить тѣмъ, что французы называютъ *une Tartufferie*. Вы сами прекрасно понимаете, до какой степени не пристала роль Тартюффа представителямъ соціальдемократическаго пролетаріата. Я увѣренъ, что для Васъ заявленіе т. Гаазе было также неожиданно, какъ и для меня, и что на Васъ, какъ и на меня, оно произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Но дѣло не кончилось этой Tartufferie. Тотъ же самый Vorwärts, который такъ убѣдительно доказывалъ въ концѣ іюля, что отвѣтственность за приближавшуюся войну цѣликомъ падаетъ на германскую дипломатію, взялъ совершенно другой тонъ, какъ только война была объявлена, и заговорилъ языкомъ вульгарнаго патріотизма. Съ горестнымъ удивленіемъ читалъ я на его столбцахъ сообщенія о геройскихъ подвигахъ венгерскихъ гонведовъ и другія ему подобныя. Разъ заговоривъ въ такомъ тонѣ, центральный органъ германской соціальдемократіи переставалъ быть опаснымъ для нѣмецкаго имперіализма, и нисколько не удивительно, что имперское правительство разрѣшило ему доступъ въ казармы.

Вспомните, что въ 1870 г. Бебель и Либкнехтъ *воздержались* при голосованіи военнаго кредита, хотя

считали Францію *нападающей страной*. Бебель говорилъ впослѣдствіи, что онъ и Либкнехтъ голосовали бы *противъ* кредита, если бы не были введены въ заблужденіе Бисмаркомъ, фальсифицировавшимъ извѣстную Эмсскую депешу. Отсюда видно, что *тогдашнее* поведеніе германской соціальдемократіи не похоже на ея *нынѣшнее* поведеніе. Чѣмъ объясняется эта разница? Наши нѣмецкіе товарищи отвѣчаютъ, что они не могли не поддержать борьбу съ русскимъ царизмомъ. Но... отвѣтъ ли это, полно?

Союзъ Франціи съ Россіей ни для кого не былъ тайной почти съ самаго своего возникновенія. Если германскіе соціальдемократы признавали нужнымъ поддерживать войну съ деспотической Россіей, то они тѣмъ самымъ принимали рѣшеніе воевать и съ республиканской Франціей. А разъ это было такъ, то т. Гаазе обязанъ былъ торжественно довести это до свѣдѣнія всего Интернаціонала на засѣданіи международнаго бюро и на международномъ митингѣ въ Брюсселѣ. Исполнилъ ли онъ эту обязанность? Нѣтъ! Напротивъ, въ рѣчи произнесенной имъ на митингѣ, онъ грозилъ нѣмецкому правительству революціей. Что же это такое?

А международные соціалистическіе съѣзды! Принимавшіе въ нихъ участіе представители германской соціальдемократіи тоже, разумѣется, знали о существованіи франко-русскаго союза; тѣмъ не менѣе, они никогда, ни однимъ словомъ, не намекнули на то, что война противъ Россіи, — а, стало быть, и противъ Франціи, — встрѣтитъ поддержку съ ихъ стороны. Хотя они и не рѣшались принять исходившее чаще всего отъ французовъ предложеніе о томъ, чтобы международный пролетаріатъ отвѣтилъ на объявленіе войны массовой стачкой, однако они давали понять, что воинныя дѣйствія не только не будутъ поддержаны ими, но, напротивъ, побудятъ ихъ къ опаснымъ для германскаго правительства выступленіямъ. Въ Штутгартѣ, они чувствовали себя глубоко обиженными, когда Гюставъ Эрве заподозрилъ ихъ въ

томъ, что они не рѣшатся оказать сколько нибудь серьезное сопротивленіе политикѣ крови и желѣза. Неужели нѣмецкіе участники соціальдемократическихъ международныхъ съѣздовъ были неискренни? Неужели они, на самомъ дѣлѣ, не обижались на подозрѣніе высказанное Гюставомъ Эрве, а только считали нужнымъ *принять видъ* людей, обиженныхъ имъ?

Подобныя предположенія кажутся мнѣ совершенно немыслимыми. Мы не имѣемъ никакого права предполагать, что наши германскіе товарищи лицемѣрно вели себя на международныхъ съѣздахъ. Но, если это такъ, то чѣмъ же объясняется ихъ нынѣшнее поьеденіе?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я попрошу Васъ, дорогой товарищъ, принять въ соображеніе, что бороться съ русскимъ царизмомъ посредствомъ германскаго имперіализма это тоже самое, что хотѣть побѣдить дьявола съ помощью Вельзевула. Вельзевулъ — глава всѣхъ дьяволовъ; онъ заинтересованъ не въ разрушеніи дьявольской власти, а въ ея упроченіи и въ ея расширеніи. Всѣ мы, русскіе люди, пережившіе событія 1905—1907 гг., прекрасно знаемъ, что у нашего царя не было друга болѣе вѣрнаго и надежнаго, нежели нѣмецкій императоръ. На Мангеймскомъ съѣздѣ германской соціальдемократіи, какъ извѣстно, даже поднимался вопросъ о томъ, что должны будутъ предпринять наши нѣмецкіе товарищи, если германскій императоръ двинетъ свою армію на борьбу съ русской революціей. Правда, съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились въ томъ смыслѣ, что у насъ на время восторжествовала контръреволюція. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что нѣмецкій императоръ, такъ энергично поддерживавшій нашу контръ-революцію въ 1905—1907 годахъ, ополчится на борьбу съ нею въ 1914 г. Совершенно наоборотъ! Если бы побѣда расширила вліяніе нѣмецкаго императора на наши внутреннія дѣла, то онъ непремѣнно позаботился бы о томъ, чтобы укрѣпить нашъ

старый порядокъ.*) Онъ сдѣлалъ бы это, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ монархической власти «божьею милостью». И это было бы, къ тому же, въ интересѣ его, какъ представителя германскаго милитаризма, существенно заинтересованнаго въ томъ, чтобъ по возможности дольше продержался въ Россіи ея старый политическій порядокъ, ослабляющій силу ея сопротивленія «внѣшнему врагу».

Или, можетъ быть наши нѣмецкіе товарищи вдругъ почувствовали страхъ при мысли о томъ, что побѣда Россіи сдѣлаетъ русскаго царя вершителемъ политическихъ судебъ всей Западной Европы? Но то, что было возможно при Николаѣ I, стало полной невозможностью при Николаѣ II**). Совершенно ясно, что германскій милитаризмъ несравненно опаснѣе для всей Западной Европы, нежели милитаризмъ россійскій, такъ какъ матерьяльныя силы, находящіяся въ распоряженіи перваго несравненно значительнѣе, нежели тѣ силы, которыми располагаетъ второй. *Для капиталистической Европы безвозвратно миновало то время, когда политическая гегемонія могла принадлежать въ ней экономически отсталой странѣ.*

Это должны были понимать наши нѣмецкіе товарищи. Не страхъ передъ русскимъ царизмомъ заставилъ ихъ измѣнить традиціямъ Бебеля и Либкнехта, а скорѣе страхъ передъ своими собственными избирателями.

При объявленіи войны населеніе германской имперіи пережило припадокъ шовинизма, въ виду котораго наши нѣмецкіе товарищи сочли нужнымъ коренным образомъ измѣнить свою тактику. По всему видно, что они разсуждали такъ: «въ настоящее время высказаться противъ войны значитъ ослабить свое

*) Вѣдь говорятъ же, что Бисмаркъ предлагалъ Версальскому правительству подавить Парижскую Коммуну нѣмецкими войсками.

**) Да и при Николаѣ I политическая мощь Россіи, какъ на это указалъ еще Марксъ, уже не соотвѣтствовала ея престижу заграницей.

вліяніе въ странѣ, а ослабивъ его, мы рискуемъ получить на слѣдующихъ выборахъ не четыре съ четверью милліона голосовъ, а, можетъ быть, только два, или полтора, или и того менѣе. Лучше голосовать военные кредиты, нежели пережить подобное уменьшеніе числа голосовъ».

Къ этому соображенію объ исходѣ будущихъ выборовъ прибавилось, вѣроятно, опасеніе того, что военный угаръ распространился и на организованный пролетаріатъ т. е. на членовъ ихъ собственной партіи и ихъ профессіональныхъ союзовъ. Чтобы избѣжать столкновеній и раскола въ своихъ организаціяхъ, германскіе соціальдемократы рѣшили лучше пожертвовать своей старой тактикой и пойти за нѣмецкимъ имперіализмомъ въ его будто бы оборонительной войнѣ съ Франціей и Россіей, — въ той *„оборонительной“* войнѣ, *наступательный* характеръ которой былъ заранѣе и такъ хорошо разоблаченъ въ центральномъ органѣ германской с.-д. партіи.

Конечно, это было совершенно оппортюнистическое рѣшеніе. Но въ томъ то и дѣло, что нынѣшнее поведеніе германской соціальдемократіи представляетъ собою величайшее торжество того оппортюнизма, который уже съ конца прошлаго столѣтія «пересматриваетъ» («ревизуетъ») революціонное ученіе Маркса и Энгельса. «Пересмотръ» начался съ *теоретическихъ* основъ этого ученія, а закончился отверженіемъ вытекавшихъ изъ нихъ *практическихъ* революціонныхъ выводовъ. Это было вполнѣ естественно и неизбѣжно.

Слѣпы были тѣ наши товарищи разныхъ странъ, которые воображали, что можно держаться революціонныхъ выводовъ даннаго ученія, отвергнувъ его революціонныя посылки.

Чтобы Вы не заподозрили меня въ преувеличеніи, я приведу Вамъ примѣръ. Вы знаете, что одинъ изъ самыхъ видныхъ германскихъ ревизіонистовъ, Людвигъ Франкъ, поступилъ добровольцемъ въ германскую армію и погибъ въ одномъ изъ ея отрядовъ во время нашествія на французскую территорію. Что же

побудило его принять участіе въ этомъ нашествіи? Его другъ А. Зюдекумъ отвѣчаетъ на это такъ. Франкъ рѣшительно отвергалъ то мнѣніе, будто побѣдоносная война явится несчастьемъ для нѣмецкаго народа. Онъ утверждалъ, что, наоборотъ, она дастъ чрезвычайно сильный толчекъ прогрессивному развитію Германіи. Историческое засѣданіе 4-го августа, — то самое засѣданіе, которое внесло такъ много тяжелаго смущенія въ ряды международныхъ соціалистовъ, привыкшихъ видѣть въ германской соціальдемократіи передовой отрядъ революціонной арміи рабочаго класса всѣхъ странъ, — представлялось ему точкой благодѣтельнаго поворота во внутренней политикѣ Германіи. Онъ говорилъ, что, конечно, экономическая противоположность между рабочими и предпринимателями не исчезнетъ благодаря войнѣ. Однако, та геройская солидарность, которая объединитъ весь народъ на полѣ битвы, передъ лицомъ непріятеля, устранитъ многія безобразія прежнихъ отношеній и воззрѣній. Уже теперь само собою разумѣется, что массы пріобрѣтутъ политическое равноправіе (напр., въ Пруссіи). Улучшеніе матерьяльнаго положенія малосостоятельныхъ и совсѣмъ несостоятельныхъ слоевъ станетъ настойчивой обязанностью общества по отношенію къ своимъ спасителямъ (sic!). Организованный рабочій классъ пріобрѣтетъ большее вліяніе на законодательство и управленіе страной. Безчисленныя задачи, которыя выростутъ передъ нѣмецкимъ народомъ послѣ побѣдоносной войны откроютъ широкій просторъ его силамъ, прежде не находившимъ себѣ приложенія. И тогда увидятъ, на что способны нѣмецкіе рабочіе и нѣмецкіе соціальдемократы.

Соблазнительная перспектива! Когда одинъ изъ товарищей Франка замѣтилъ ему, что въ этомъ отрадномъ будущемъ понадобится также его совѣтъ и его сила и что ему не слѣдовало рисковать своей жизнью, онъ возразилъ, что долженъ же кто-нибудь пожертвовать собою для начала дѣла (См. статью А. Зюдекума:

«Л. Франкъ» въ журналѣ März отъ 3-го октября 1914).

Нельзя не признать, что въ поведеніи Франка было очень много самоотверженія. Но чѣмъ больше самоотверженія обнаружилъ онъ, тѣмъ сильнѣе приходится сожалѣть о томъ, что путь, избранный въ данномъ случаѣ этимъ самоотверженнымъ человѣкомъ, не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ, по которому шла до сихъ поръ и должна была всегда идти соціальдемократія.

До сихъ поръ соціальдемократія держалась *революціоннаго* взгляда. По ея мнѣнію, точкой поворота въ исторіи цивилизованнаго человѣчества должна была явиться замѣна капиталистическаго производства — соціалистическимъ. Франкъ совершенно справедливо находилъ, что подобная замѣна не можетъ быть слѣдствіемъ побѣды Германіи надъ ея нынѣшними противниками. Но онъ готовъ былъ удовольствоваться несравненно меньшимъ. Та новая эра, которая, какъ онъ думалъ, должна наступить послѣ побѣдоносной войны, характеризуется у него устраненіемъ не капитализма, а только извѣстныхъ безобразій,— онъ говоритъ собственно: «многихъ шлаковъ и ржавчины»— выросшихъ на капиталистической почвѣ. Такъ какъ останется капитализмъ, то останется и эксплуатація одного класса другимъ. Но, не смотря на это, взаимныя отношенія между классами будутъ развиваться въ духѣ той солидарности, которая возникнетъ въ нѣмецкомъ войскѣ передъ лицомъ непріятеля. Вотъ эта то солидарность и устранитъ многія безобразія прежнихъ (капиталистическихъ) отношеній и (обусловленныхъ ими) воззрѣній. Въ переводѣ на языкъ соціальдемократической прозы, это значитъ, что господствующіе классы согласятся на нѣкоторыя реформы, съ помощью которыхъ будутъ удалены «шлаки» и стерта »ржавчина» нынѣшняго капиталистическаго строя.

Излишне доказывать, что здѣсь мы имѣемъ передъ собой «ревизіонизмъ», возведенный въ квадратъ: вмѣсто революціи — реформа; вмѣсто борьбы классовъ — ихъ солидарность! И какая солидарность! Та, которая охватываетъ всѣ классы общества подъ

вліяніемъ воинственнаго угара. Въ своей маленькой утопіи покойный Франкъ выступаетъ передъ нами колоссальнымъ утопистомъ.

Но въ его маленькой утопіи была своя непогрѣшимая логика. Стремясь къ замѣнѣ капиталистическаго способа производства соціалистическимъ, революціонная соціальдемократія прекрасно понимала, что такая революція не можетъ быть дѣломъ одной страны. «Соединеніе усилій, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ, есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата» (Манифестъ коммунистической партіи). Сознаніемъ этой истины опредѣлялось сознаніе солидарности интересовъ рабочаго класса всѣхъ странъ. Революціонная соціальдемократія ставила себѣ цѣлью въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй «выдѣлять и отстаивать общія, независимыя отъ національности интересы пролетаріата». Она учила, что «вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націй падутъ и враждебныя отношенія націй между собой». И она неустанно повторяла кличъ манифеста коммунистической партіи: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Ни для чего этого не можетъ быть мѣста въ маленькой утопіи покойнаго Франка: Его поле зрѣнія ограничивается Германіей. Какъ мы уже знаемъ, его новая эра начинается не съ устраненія, вмѣстѣ съ классами, антагонизма классовъ внутри нѣмецкой націи, а лишь съ ослабленія этого антагонизма. Но ослабленіе это должно явиться, по его мнѣнію, въ результатѣ именно *враждебныхъ отношеній между націями*, т. е. какъ слѣдствіе побѣды Германіи надъ Франціей, Бельгіей, Россіей и т. д. Онъ пріурочивалъ свои радужныя надежды не къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ, а къ объединенію всѣхъ классовъ своего германскаго отечества. Ему было совсѣмъ не до того, чтобы «въ движеніи пролетаріевъ всѣхъ націй выдѣлять и отстаивать общіе, независимые отъ національности интересы пролетаріата». Его новая программа строилась на защитѣ частныхъ интересовъ одной націи. *Революціонный Интернаціонализмъ* замѣ-

нился *національнымъ реформизмомъ*. И ужъ само собою разумѣется, что Франкъ не имѣлъ ни логическаго, ни нравственнаго права повторить кличъ Интернаціонала: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» За нимъ осталось лишь право воскликнуть: «соединяйтесь, нѣмцы всѣхъ общественныхъ классовъ! Соединяйтесь для опустошенія Бельгіи, соединяйтесь для ограбленія Франціи! соединяйтесь для борьбы съ конкурренціей Англіи! и т. д. и т. д. Опустошивъ, ограбивъ и ослабивъ всѣ непокорныя нѣмецкому императору земли, обезпечивъ себѣ счастливую возможность экономической эксплуатаціи всѣхъ побѣжденныхъ народовъ, мы заживемъ на славу!»

Въ полномъ согласіи съ Франкомъ, центральный органъ нѣмецкой соціальдемократіи въ Австріи призывалъ своихъ единомышленниковъ бороться за *нѣмецкое человѣчество*.

Революціонная соціальдемократія, бывшая международной по самому своему существу, говорила, что пролетаріатъ обязанъ разоблачать дипломатическія интриги правительствъ и направлять свои усилія къ тому, чтобы въ международныхъ отношеніяхъ господствовали «простые законы нравственности и права». Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ утверждалъ, что борьба за такую внѣшнюю политику есть одна изъ составныхъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Сообразно съ этимъ, пролетаріатъ долженъ обрушиваться со всею силою своего мнѣнія на правительства, въ данное время нарушающія эти простые законы. Въ частности, онъ долженъ всею силою своего мнѣнія обрушиться на то правительство или на тѣ правительства, которыя въ данное время нарушаютъ миръ, преслѣдуя династическія или имперіалистическія цѣли: завоеваніе новыхъ рынковъ, колоній и т. под. Какъ отмѣчено мною выше, центральный органъ германской соціальдемократіи свято выполнилъ эту обязанность въ концѣ іюля текущаго года, убѣдительно доказывая, что отвѣтственность за

острое ухудшеніе международныхъ отношеній падаетъ на германское правительство. Но ни въ приводимыхъ Зюдекумомъ разсужденіяхъ Франка о наступленіи новой эпохи внутренняго развитія Германіи, ни въ соображеніяхъ самаго Зюдекума нѣтъ ни малѣйшаго намека на вопросъ о томъ, можетъ ли быть оправдано поведеніе германской дипломатіи съ точки зрѣнія «простыхъ законовъ нравственности и права». Оно и понятно! Франкъ держался, а Зюдекумъ продолжаетъ держаться не интернаціональной, а національной точки зрѣнія. Съ національной германской точки зрѣнія побѣдоносная война желательна вовсе не потому, что она поможетъ осуществить требованія «нравственности и права», а потому что она обезпечитъ интересы германскаго имперіализма. Но имперіализмъ есть политика хищничества. Эта политика означаетъ эксплуатацію одного народа или однихъ народовъ другимъ народомъ или другими народами. Франкъ сложилъ свою голову, самоотверженно стремясь обезпечить Германіи наибольшую возможность эксплуатаціи другихъ народовъ. Зюдекумъ вполнѣ одобряетъ такой родъ самоотверженія. Это уже само по себѣ весьма печально. Но еще несравненно печальнѣе то, что въ засѣданіи Рейхстага 4-го августа вся германская соціальдемократическая фракція, голосовавшая за военный кредитъ, высказалась, устами т. Гаазе, въ духѣ Франка—Зюдекума. Съ этихъ поръ она сама служитъ опорой, — и едва ли не самой надежной опорой, — имперіалистской политики нѣмецкаго юнкерства и нѣмецкой буржуазіи. О позоръ! Позоръ! Позоръ!

Даже буржуазія всѣхъ странъ, кромѣ Германіи и Австро-Венгріи, упрекаетъ нѣмецкую соціальдемократію въ томъ, что она измѣнила своимъ собственнымъ принципамъ. Но принципы, которымъ измѣнила нѣмецкая соціальдемократія, были принципами ея *лѣваго*, а не *праваго* крыла, — *марксистовъ*, а не *ревизіонистовъ*. Между тѣмъ, буржуазія вездѣ и всегда готова была поддерживать правое крыло нѣмецкой соціальдемо-

кратіи противъ ея лѣваго крыла. Она всегда изображала ревизіонистовъ, какъ носителей всего того, что есть серьезнаго («реально-политическаго») въ современной соціалистической мысли. Сожалѣніе буржуазіи всѣхъ другихъ странъ, кромѣ Германіи и Австро-Венгріи, о томъ, что нѣмецкая соціальдемократія измѣнила своимъ собственнымъ принципамъ, равносильно признанію того, что для всей Европы лучше было бы, если бы побѣдила не «реальная политика» ревизіонистовъ, а «революціонная догматика» марксистовъ. Но это признаніе, въ свою очередь, совпадаетъ съ признаніемъ того, что, въ современномъ цивилизованномъ обществѣ, только названная догматика и заключаетъ въ себѣ (по скольку серьезно примѣняется къ дѣлу) прочную гарантію международнаго мира.*) Однако это мимоходомъ. Главное въ томъ, что когда одинъ народъ, преслѣдуя имперіалистическія цѣли, нападаетъ на другой, этотъ послѣдній не можетъ не защищаться, если только онъ не достигъ до крайней степени упадка и слабости. И международная соціальдемократія не можетъ не сочувствовать его самозащитѣ, если только она, въ самомъ дѣлѣ, руководствуется въ своей иностранной политикѣ «простыми законами нравственности и права». Этимъ опредѣляется мое отношеніе къ французскимъ соціалистамъ, голосовавшимъ за военный кредитъ и даже вступившимъ, въ лицѣ Геда и Самба, въ министерство. Франція — *аттакованная страна.* Поэтому поведеніе французскихъ соціалистовъ *не могло быть* такимъ, какимъ *должно было быть* поведеніе нѣмецкихъ

---

*) Это не мѣшаетъ, впрочемъ, врагамъ марксизма выдавать господъ въ родѣ Зюдекума за учениковъ Маркса. Въ письмѣ Крапоткина къ профессору Х-К. Стефану, напечатанномъ въ „La Guerre Sociale“ отъ 24 октября 1914 г. мы читаемъ: le docteur Zudekum, ce pupille de Marx... Если названный органъ правильно напечаталъ письмо Крапоткина, то нельзя не подивиться нашему почтенному соотечественнику. Неужели же онъ не знаетъ, что Зюдекумъ ревизіонистъ, а не марксистъ?!

соціалистовъ т. е. соціалистовъ *аттакующей стороны.**) Въ еще большей степени примѣнимо это къ Бельгіи.

Германская армія покрыла Бельгію развалинами и превратила ее въ озеро крови за то, что она не согласилась, давъ ей свободный проходъ черезъ свою территорію, облегчить вторженіе нѣмецкой арміи во Францію. Если нынѣшній Интернаціоналъ вѣренъ завѣтамъ перваго Интернаціонала, основаннаго Марксомъ; если въ своей иностранной политикѣ онъ продолжаетъ руководствоваться «простыми законами нравственности и права», то онъ долженъ единодушно возстать противъ обращенія Германіи съ Бельгіей. Говорю *„единодушно"*, такъ какъ по моему мнѣнію, нѣмецкіе соціальдемократы обязаны были протестовать противъ этого поведенія громче всѣхъ остальныхъ. Нелѣпо было бы требовать отъ соціалистовъ той или другой страны равнодушія къ интересамъ своей родины. Соціализмъ отнюдь не исключаетъ любви къ отечеству. Но между тѣмъ, какъ люди, держащіеся точки зрѣнія эксплуатирующихъ классовъ, находятъ позволительнымъ и даже обязательнымъ ставить интересы своей страны выше интересовъ всего остального міра, соціалистъ долженъ имѣть мужество *пойти противъ своего отечества*, когда оно въ своей иностранной политикѣ поступаетъ несправедливо, нарушаетъ «простые законы нравственности и права». Только тотъ соціалистъ, который способенъ на это, и можетъ назваться *международнымъ соціалистомъ;* только тотъ соціалистъ, который способенъ на это, и имѣетъ право сказать о себѣ, что въ его любви къ отечеству *нѣтъ*

Ч 6407

*) Этимъ я не хочу сказать, что французскіе соціалисты должны были безусловно голосовать за военный кредитъ. Голосуя за него, они могли и обязаны были громко высказать нѣкоторыя неоспоримыя истины, горькія для французской буржуазной дипломатіи, но полезныя съ точки зрѣнія развитія самосознанія въ международномъ пролетаріатѣ. Они не сдѣлали этого. Я жалѣю объ этомъ. Но все таки считаю, что очень ошибаются тѣ наши товарищи, которые осуждаютъ ихъ также строго, какъ и нѣмецкихъ соціальдемократовъ.

шовинизма. Къ величайшему сожалѣнію, приходится констатировать, что со стороны нѣмецкихъ соціалистовъ до сихъ поръ не раздалось протеста противъ того, что было сдѣлано съ Бельгіей. Говорятъ, что съ такимъ протестомъ собирается выступить Карлъ Либкнехтъ. Будемъ надѣяться, что онъ поведетъ себя, какъ достойный сынъ своего отца; но, пока что, германское войско составленное приблизительно на одну треть изъ соціальдемократовъ, продолжаетъ совершать подвиги достойные гунновъ, причемъ нѣкоторые органы нѣмецкой соціальдемократіи, — даже такіе, какъ Gleichheit Клары Цеткиной, — имѣютъ крайнюю наивность (я не позволю себѣ ни сказать, ни подумать: лицемѣріе) упрекать бельгійцевъ въ жестокомъ отношеніи къ нѣмецкимъ солдатамъ.

Можетъ быть, ни въ чемъ не сказалась до такой степени ярко побѣда праваго крыла нѣмецкой соціальдемократіи надъ лѣвымъ, какъ въ томъ фактѣ, что германскіе соціальдемократы въ лучшемъ случаѣ молчатъ, между тѣмъ какъ буржуазная нѣмецкая интеллигенція громко провозглашаетъ себя солидарной съ варварствомъ нѣмецкихъ милитаристовъ. Но если молчаніе *нѣмецкой* соціальдемократіи понятно, хотя и достойно сожалѣнія, то, признаюсь, я не понимаю, почему соціальдемократы *нейтральныхъ странъ* такъ нерѣшительно, почти вяло высказываются противъ дѣйствій, къ которымъ не можетъ относиться равнодушно ни одинъ человѣкъ, имѣющій по извѣстному нѣмецкому выраженію, сердце тамъ, гдѣ ему полагается быть. Говоря это, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, соціалистическую печать Италіи и Швейцаріи: рабочая печать другихъ нейтральныхъ странъ мнѣ мало доступна. Думаю, однако, что если бы въ ней раздались энергичные протесты то они проникли бы въ рабочіе органы тѣхъ странъ, газеты которыхъ я читаю.

Кстати, я совсѣмъ пересталъ получать болгарскія соціалистическія изданія. Выходитъ-ли у васъ что нибудь? Если выходитъ, то позволяю себѣ предполо-

жить, что и ваши соціалистическіе органы слишкомъ вяло протестуютъ противъ того, противъ чего нельзя протестовать достаточно энергично. Таково общее настроеніе. Резолюція, исходящая, если память мнѣ не измѣняетъ, изъ цюрихскаго соціалистическаго союза «Eintracht», требуетъ мира безъ уплаты кѣмъ бы то ни было военнаго вознагражденія (Ohne Entschädigung). Положимъ, что это требованіе исполнено. Что же будетъ съ Бельгіей? Слѣдуетъ думать, что цюрихская резолюція «требуетъ» удаленія изъ нея нѣмецкихъ войскъ. Но не «требуетъ» ли «простые законы нравственности и права», чтобы германская имперія вознаградила Бельгію, по крайней мѣрѣ, за тотъ огромный матеріальный вредъ, который былъ нанесенъ ей нарушеніемъ ея нейтралитета? А предъявить это, какъ нельзя болѣе справедливое, требованіе, значитъ прежде всего прійти въ противорѣчіе съ цюрихской резолюціей.

Когда одинъ человѣкъ раззорилъ другого, то развѣ лишь толстовецъ станетъ «требовать», чтобы они помирились «безъ вознагражденія».

Мнѣ сдается, что вялость, нерѣшительность и непослѣдовательность, замѣчающіяся въ соціалистической печати нейтральныхъ странъ, объясняются желаніемъ тамошнихъ соціалистовъ остаться нейтральными quand même. А это стремленіе остаться нейтральными quand même коренится въ неправильномъ взглядѣ на то, какъ слѣдуетъ понимать отрицательное отношеніе международной соціальдемократіи къ войнѣ.

Соціальдемократы нейтральныхъ странъ говорятъ (мнѣ часто приходилось слышать это): «мы противъ войны, поэтому мы не хотимъ высказываться ни за одну изъ воюющихъ сторонъ; мы требуемъ мира и только мира». Но когда одинъ человѣкъ на моихъ глазахъ душитъ другого, то я, разумѣется, требую мира; однако, это вовсе не значитъ, что я не имѣю права *энергично выступить противъ душителя*. А вѣдь первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ настоятельно совѣтуетъ намъ стремиться къ

тому, чтобы къ международной политикѣ примѣнялись тѣ «простые законы нравственности и права», повиновеніе которымъ обязательно въ личныхъ отношеніяхъ.

Говорятъ также, — и съ какимъ глубокомысленнымъ видомъ! — что въ современныхъ международныхъ столкновеніяхъ нельзя найти виноватаго и невозможно опредѣлить, кто собственно нападаетъ и кто защищается. На это я отвѣчаю обыкновенно ссылкой на тѣ слова Бебеля, что было бы слишкомъ печально, еслибы мы до сихъ поръ не научились разбираться въ вопросахъ такого рода. Иногда я рекомендую, кромѣ того, прочесть тотъ параграфъ книги Екка: «Die Internationale», который озаглавленъ: «Der Deutsch-Französische Krieg und die Arbeiterklasse». Изъ него видно, какъ настойчиво и послѣдовательно держались руководители перваго Интернаціонала, съ Марксомъ во главѣ, различенія между *оборонительной* войной съ одной стороны и *наступательной* — съ другой, и какъ хорошо разбирались они въ событіяхъ франко-прусской войны. Почему ясность сужденія, бывшая достижимой для соціалистическихъ дѣятелей 1870-1871 гг., стала недоступной для соціалистическихъ дѣятелей 1914 г.? Неужели по той же причинѣ, по которой никто изъ жениховъ Пенелопы не смогъ пустить стрѣлу изъ лука Улисса? Наконецъ, въ данномъ случаѣ обращеніе съ лукомъ Улисса очень значительно облегчается тѣмъ, не разъ упомянутымъ выше фактомъ, что германская соціальдемократическая печать уже въ концѣ прошлаго іюля какъ нельзя лучше выяснила, до какой степени вся отвѣтственность за нарушеніе мира падаетъ на Германію. Кто въ виду всего этого продолжаетъ разводить въ недоумѣніи руками, тотъ дѣйствительно совсѣмъ не способенъ разобраться въ интересующемъ насъ вопросѣ. И тому слѣдуетъ заниматься химіей, бѣлой магіей, музыкой, китайской граматикой, — всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не міровой политикой (Weltpolitik): «Studiate la

matematica e lasciate le donne», какъ сказала одна венеціанка Жану-Жаку Руссо.

Теперь, кромѣ того, начинаютъ повторять слова коммунистическаго манифеста: «рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ». Но прежде, чѣмъ повторять эти слова, полезно понять ихъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что сами авторы манифеста позаботились объ ихъ разъясненіи.

Они говорятъ: «Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, — организоваться въ одинъ національный классъ, устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ еще остается національнымъ, *хотя совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово буржуазія*"*).

Въ какомъ же смыслѣ остается пролетаріатъ національнымъ? Въ томъ, что, стремясь прежде всего устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ отказывается подражать примѣру буржуазіи, которая, въ интересахъ своего отечества готова ограбить весь остальной человѣческій родъ.

«Національная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ, — говоритъ манифестъ, — уже теперь все болѣе и болѣе исчезаетъ, благодаря развитію буржуазіи, свободѣ торговли, всемірному рынку, однообразію способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ жизненныхъ отношеній. Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе... Въ той же степени, въ какой уничтожена будетъ эксплуатація одного индивидуума другимъ, уничтожится и эксплуатація одной націи другой».

Вотъ въ какомъ смыслѣ Манифестъ говоритъ, что рабочіе не имѣютъ отечества: они считаютъ, что *ихъ страна не должна стремиться къ обособленію себя отъ другихъ странъ и къ противоположенію своихъ интересовъ ихъ интересамъ.*"*) Пролетаріатъ требуетъ не уничтоже-

---

*) Подчеркнуто мною.

**) Программа нашей партіи признаетъ „*право на самоопре-*

нія націй, а прекращенія эксплуатаціи одного народа другимъ. Но именно потому, что онъ требуетъ уничтоженія эксплуатаціи одного народа другимъ, онъ долженъ всѣми силами возставать противъ той націи, которая въ данное время дѣлаетъ попытку наложить свое ярмо на — другія. Если онъ вздумаетъ оставаться нейтральнымъ въ подобномъ случаѣ, то онъ тѣмъ самымъ покинетъ свою международную точку зрѣнія.

Отвергаемое мною пониманіе словъ: «рабочіе не имѣютъ отечества» представляетъ собою не болѣе, какъ разогрѣтое антимилитаристское ученіе Гюстава Эрве первой манеры. Извѣстно, что согласно этому ученію, соціалисты всякой данной страны не имѣютъ никакого интереса въ ея защитѣ отъ непріятельскихъ нашествій, такъ какъ имъ рѣшительно все равно сохранитъ она или нѣтъ свою независимость. Но едва ли своевременно разогрѣвать это ученіе тогда, когда самъ Эрве отказывается отъ него молчаливо, но, какъ Вамъ извѣстно, совершенно недвусмысленно. А если кто во что бы то ни стало желаетъ теперь выступить въ качествѣ эрвеиста первой манеры, то ему непремѣнно надо познать самого себя и ужъ никакъ не выдавать себя за марксиста. Отдайте кесарево кесарю, говоритъ Іисусъ. А я скажу: отдайте Эрве то, что принадлежитъ Эрвэ, хотя онъ, можетъ быть, и не поблагодаритъ васъ за то, что вы напомните ему теперь объ его старой ошибкѣ.*)

Сами авторы манифеста, какъ нельзя болѣе, далеки

дѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства". Неужели она признаетъ это, исходя изъ того соображенія, что пролетаріатъ каждой страны можетъ и долженъ быть равнодушенъ къ судьбамъ своего отечества?

*) Эрвеизмъ былъ одной изъ разновидностей анархо-синдикализма, который сталъ усиливаться во Франціи какъ разъ съ того времени, когда французскіе оппортюнисты начали продѣлывать свои „опыты" („опытъ" Мильерана и др.). Теперь его опять разогрѣваютъ (часто совершенно безсознательно) подъ вліяніемъ печальнаго опыта Фрачка—Зюдекума и братіи.

были отъ эрвеизма въ своемъ отношеніи къ понятію: отечество. Это до такой степени такъ, что одному изъ нихъ (Энгельсу) принадлежитъ выразительная фраза: «werden wir angegriffen, so wehren wir uns» (Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться). Этой фразой злоупотребляютъ теперь и будутъ злоупотреблять оппортюнисты германской соціальдемократіи: имъ непремѣнно нужно оправдать поддержку, оказанную ими имперіализму Бетмана-Гольвега. Но нѣтъ и не можетъ быть такой истины, которой не клали бы въ основу того или другого софизма, и я не хочу возвращаться къ критикѣ нынѣшняго поведенія германской соціалдемократіи. Только что приведенныя слова Энгельса имѣютъ здѣсь для меня лишь значеніе совершенно неопровержимаго свидѣтельства въ пользу того, что онъ, — въ полномъ согласіи съ Марксомъ, — признавалъ права нѣмецкаго и, разумѣется, не одного только нѣмецкаго, народа на самозащиту. И если нынѣшній сознательный рабочій классъ не хочетъ измѣнить завѣтамъ основателей перваго Интернаціонала, то онъ, въ интересахъ своего собственнаго развитія и своего собственнаго достоинства, долженъ громче всѣхъ другихъ классовъ современнаго общества кричать противъ такихъ международныхъ преступленій, какъ безпощадное опустошеніе Бельгіи и ея оффиціально возвѣщенное теперь «присоединеніе» къ Германіи.

«Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться». Эти слова достаточно объясняютъ поведеніе какъ бельгійскаго, такъ и французскаго пролетаріата. Достаточно объясняютъ они, между прочимъ, и вступленіе Геда, Самба и Вандервельда въ министерства. Франція и Бельгія находятся теперь въ одномъ изъ тѣхъ исключительныхъ положеній, при которыхъ вступленіе соціалистовъ въ буржуазное министерство допускается рѣшеніями Интернаціонала. Правда, оно ослабляетъ,—скорѣе, почти прекращаетъ на время борьбу классовъ. Но, — справедливо замѣтилъ однажды Францъ Мерингъ,—данный народъ дол-

женъ существовать для того, чтобы имѣть возможность рѣшить, какъ онъ долженъ будетъ существовать.*) Эти слова, написанныя еще лѣтъ семнадцать тому назадъ ортодоксальнымъ Мерингомъ, надѣюсь не вызовутъ въ Васъ никакого недоумѣнія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Бельгіи и Франціи. Но, насколько я могу судить по Вашему письму ко мнѣ, Васъ смущаетъ русскій вопросъ. Потолкуемъ же и о немъ.

Конечно, Вы охотно согласитесь признать право русскаго, — какъ и всякаго другого народа, — на существованіе и на самоопредѣленіе. Но, зная наши внутреннія политическія отношенія, Вы видите, что въ настоящее время огромнымъ препятствіемъ для освобожденія русскаго народа является царизмъ. И вотъ, желая добра русскому народу Вы, думается мнѣ, хотѣли бы, чтобы Германія побѣдила Россію. Вамъ, я полагаю, хотѣлось бы, чтобы тяжелая нѣмецкая артиллерія разгромила, наконецъ, безобразное зданіе царизма, загораживающее путь нашему общественному развитію. Но до Васъ дошелъ слухъ о томъ, что я, наоборотъ, смотрю на возможную побѣду Германіи, какъ на большое несчастіе для всей Европы; и Вы, зная, что я былъ горячимъ сторонникомъ освободительнаго движенія россійскаго пролетаріата, съ безпокойствомъ спрашиваете себя: «неужели же онъ начинаетъ мириться съ русскимъ царизмомъ? Неужели же онъ переходитъ въ ряды панславистовъ?»

Нѣтъ, дорогой товарищъ, я какъ былъ, такъ и остаюсь непримиримымъ врагомъ русскаго царизма. Къ панславизму меня не тянетъ и не тянуло. И тѣмъ не менѣе меня, въ самомъ дѣлѣ, очень пугаютъ послѣдствія возможной побѣды Германіи надъ Россіей.

Вы разсуждаете такъ: «пораженіе оффиціальной Россіи равносильно увеличенію числа шансовъ русской свободы; поэтому я желаю пораженія». Такъ раз-

*) „Freilich muss ein Volk existiren, ehe es sich entscheiden kann, wie es existiren will". Geschichte der deutschen Sozialdemokratie von Franz Mehring. Zweite Auflage, S. 299.

суждаютъ и нѣкоторые изъ русскихъ соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Очень сильно распространена у насъ вѣра въ то, что разсужденіе это характеризуетъ собой крайній революціонный образъ мыслей. Но это не точно. Такъ разсуждали когда то наши либералы и даже славянофилы. Во время крымской войны Хомяковъ (безусловно чуждый всякаго радикализма) находилъ, что пораженіе Россіи дастъ полезный толчокъ ея внутреннему развитію. И это было совершенно правильно при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ велась Россіей крымская война и нѣкоторыя другія войны. Но откуда слѣдуетъ, что это будетъ правильно при всякихъ условіяхъ? Ни откуда!

Чтобы военныя неудачи даннаго государства послужили полезнымъ толчкомъ для его внутренняго развитія, необходимо, по крайней мѣрѣ, одно условіе: *нужно, чтобы онъ не привели къ обѣдненію того родника, изъ котораго бьетъ живой ключъ народныхъ освободительныхъ стремленій.* Ясно почему: вѣдь обѣднѣніе указаннаго родника означаетъ ослабленіе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которымъ полезно было бы потрясеніе стараго порядка военными неудачами. И ослабленіе этихъ общественныхъ элементовъ можетъ быть такъ велико, что военныя неудачи поведутъ за собою даже упроченіе стараго порядка. Это можетъ произойти вездѣ, т. е. между прочимъ и въ Россіи. Теперь спрашивается: гдѣ же надо искать источника нашего освободительнаго движенія? На этотъ вопросъ я вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ отвѣчаю: *въ экономическомъ развитіи Россіи*, точнѣе говоря, въ ея *капиталистическомъ развитіи.*

Вамъ извѣстенъ былъ этотъ мой отвѣтъ, и Вы находили его правильнымъ. Но если онъ правиленъ, то что слѣдуетъ изъ него?

Изъ него съ неотразимой убѣдительностью вѣрнаго математическаго вывода слѣдуетъ, что *такое пораженіе Россіи, которое замедлитъ ея экономическое развитіе, будетъ вредно для дѣла русской народной свободы и полезно*

для нашего стараго порядка, т. е. того самаго царизма, къ низверженію котораго мы стремимся.

Все, что замедляетъ наше экономическое развитіе, поддерживаетъ нашъ царизмъ, представляющій собою своеобразное политическое слѣдствіе экономической отсталости русской земли.

Видите, какъ оборачивается дѣло! Недаромъ нашъ незабвенный Чернышевскій, характеризуя пріемы діалектическаго мышленія, говоритъ: «все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста». Мы должны мыслить діалектически. Кто мыслитъ, какъ метафизикъ, кто разсуждаетъ по готовымъ шаблонамъ, по заученнымъ формуламъ, тотъ не марксистъ, а злая пародія на марксиста.*)

Но пойдемъ дальше. Есть ли у насъ основаніе опасаться того, что пораженіе Россіи въ нынѣшней войнѣ будетъ вредно для ея дальнѣйшаго экономическаго развитія? Да, у насъ есть полное основаніе опасаться этого.

---

*) Въ половинѣ августа 1870 г., т. е. тогда, когда война Германіи съ Франціей еще была, въ глазахъ основателей научнаго соціализма, *оборонительной*, — Энгельсъ писалъ Марксу, критикуя тотъ взглядъ Вильгельма Либкнехта, что германскіе соціальдемократы должны оставаться *нейтральными*... „Если бы это было общимъ мнѣніемъ въ Германіи, то скоро мы вернулись бы къ Рейнскому союзу (т. е. ко временамъ Наполеона I, подъ протекторатомъ котораго находился Рейнскій союзъ, имъ же созданный въ западной части Германіи. Г. П.), и тогда благородному Вильгельму пришлось бы спросить себя, какова же при этомъ его роль и что сталось съ рабочимъ движеніемъ. Конечно, народъ, всегда получающій пинки и толчки есть именно тотъ народъ, который сдѣлаетъ соціальную революцію — и къ тому же въ дорогихъ Вильгельму маленькихъ государствахъ.“ Въ томъ же письмѣ находятся замѣчательныя строки, въ которыя необходимо вдуматься нынѣшнимъ соціальдемократамъ Россіи. Вотъ онѣ:

„Что эта война ведется подъ командой Лемана, Бисмарка и Комп., и что, въ случаѣ счастливаго своего окончанія, она на мигомъ послужитъ къ ихъ славѣ, за это мы должны благодарить нѣмецкую буржуазію. Разумѣется это очень противно (eklig), но этого перемѣнить нельзя. И нелѣпо было бы дѣлать на этомъ

Почему? Да очень просто! За это ручается намъ сущность имперіалистской политики. Она состоитъ въ томъ, что народъ-побѣдитель превращаетъ побѣжденный народъ въ предметъ экономической эксплуатаціи. Вслѣдствіе такой эксплуатаціи ускоряется экономическое развитіе народа-побѣдителя и замедляется экономическое развитіе побѣжденнаго народа.

Оттого я съ тяжелымъ сердцемъ представляю себѣ, что и до сихъ поръ еще возможна побѣда Германіи. Я знаю, что это мое опасаніе вызываетъ нападки на меня со стороны товарищей, склонныхъ къ шаблоннымъ разсужденіямъ. Но я не могу измѣнить своего взгляда, хотя бы противъ меня ополчились всѣ жители земли и всѣ обитатели другихъ планетъ.

Я предвижу напередъ, мнѣ скажутъ: «въ такомъ случаѣ Вы должны опредѣлиться на службу къ русскому царизму». Но меня и прежде не сбивали, и теперь не собьютъ подобныя возраженія. Я къ нимъ притерпѣлся. Извѣстный французскій живописецъ Eugène Delacroix, — которому выпало на долю выслушать множество нелѣпыхъ критическихъ упрековъ, — къ концу своей жизни воскликнулъ: «Voila trente ans que je suis livré aux bêtes». Вы знаете исторію моей литературной дѣятельности, Вы помните, какіе споры пришлось вести мнѣ объ историческомъ значеніи русскаго капитализма, и Вы согласитесь, что я имѣю печальное право повторить, въ примѣненіи къ себѣ, слова Delacroix. Непріятно быть livré aux bêtes; но кто въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій испытываетъ эту непріятность, тотъ привыкаетъ къ ней и насмѣхается надъ нею.

Когда я говорилъ: «Россія не можетъ миновать фазу капитализма и намъ слѣдуетъ возставать противъ всего того, что задерживаетъ ея развитіе въ этомъ

основаніи изъ антибисмаркизма единственный руководящій принципъ". Нѣкоторые наши товарищи дѣлаютъ теперь единственный руководящій принципъ изъ антицаризма... Но дѣлать *единственный* руководящій принципъ изъ антибисмаркизма или царизма прилично развѣ только либералу.

направленіи», умные люди усиливались поймать меня на арканъ слѣдующаго, неизбѣжнаго, какъ имъ казалось, заключенія: въ такомъ случаѣ вамъ надо опредѣлиться на службу къ капигалу. (Открыть кабакъ, какъ писалъ самый догадливый изъ этихъ умныхъ людей, С. Н. Кривенко). Чтобы обнаружить всю, до смѣшного жалкую, несостоятельность этого, будто бы неотвратимаго, вывода мнѣ надо было написать двѣ книги («Наши разногласія»; «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію») и довольно много статей. Я надѣюсь, что теперь мнѣ уже не придется затратить такъ много труда на опроверженіе того, — совершенно тождественнаго по своему низкому логическому достоинству, — вывода, что если, по моему мнѣнію, вредны будутъ для нашего освободительнаго движенія экономическія послѣдствія побѣды Германіи надъ Россіей, то я долженъ сдѣлаться слугою русскаго царизма. По отношенію къ капитализму я съумѣлъ начертить ту линія поведенія, которая, какъ показали послѣдующія событія, была самой революціонной изо всѣхъ возможныхъ въ свое время. Не трудно будетъ мнѣ начертить такую же линію и по отношенію къ царизму.

Вспомните исторію войнъ, веденныхъ Франціей въ XVIII вѣкѣ*). Изъ нихъ видно, что отживавшій тамъ свое время старый порядокъ въ огромной степени уменьшалъ военную силу французскаго государства. Русскій старый порядокъ, въ свою очередь, уменьшаетъ военную силу Россіи. Но уменьшеніе военной силы государства ослабляетъ, между прочимъ, *его силу сопротивленія.***) Вотъ этимъ и опредѣляется та тактика, которой мы должны держаться въ продолженіи

*) Особенно семилѣтней войны.

**) (*Примѣчаніе не для васъ, товарищъ П., а для тѣхъ читателей, которыхъ Чернышевскій называлъ проницательными*). Оно ослабляетъ также и его *силу нападенія*. Но объ этомъ я совсѣмъ не жалѣю, такъ какъ я могу сочувствовать своей странѣ только тогда, когда она ведетъ оборонительную войну.

нынѣшней войны. Наша революціонная обязанность заключается въ томъ, чтобы всѣми доступными намъ способами выяснять нашей трудящейся массѣ вообще и нашему пролетаріату въ частности, что царизмъ, такъ много вредящій Россіи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, страшно ослабляетъ ея способность дать надлежащій отпоръ политикѣ германскихъ имперіалистовъ. Показать это очень не трудно, несмотря на нѣкоторые частные успѣхи нашего оружія.

Когда по широкому лицу многострадальной русской земли станутъ распространяться извѣстія о нашихъ военныхъ неудачахъ, — а что такія неудачи будутъ, это, къ сожалѣнію, несомнѣнно уже по одному тому, что слишкомъ очевидна неспособность военныхъ героевъ реакціи въ родѣ генерала Ренненкампфа,*) — наши соціальдемократы, наши революціонеры, должны будутъ усердно вскрывать передъ глазами нашего народа *политическую* причину этихъ неудачъ. Они скажутъ ему: «Совершенно понятно, что ты не хочешь сдѣлаться жертвой эксплуататорскихъ аппетитовъ германскихъ имперіалистовъ: ты не толстовецъ. Но, чтобы дать отпоръ служителямъ этихъ аппетитовъ, нужно быть сильнымъ, а тебя ослабляетъ царскій деспотизмъ. По выраженію Некрасова, надъ твоей безотвѣтной страной давно уже косится все живое и все честное, а вѣдь только живое и честное можетъ вѣрою и правдою послужить тебѣ въ лихую годину непріятельскаго нападенія. Кто знаетъ, сколь-

*) Эти строки были уже написаны, когда телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что турки внезапнымъ нападеніемъ уничтожили нѣкоторые русскіе суда въ Черномъ морѣ. Чего же смотрѣло наше военно-морское начальство? Повидимому, оно обѣщаетъ вести себя не лучше, чѣмъ во время русско-японской войны. Наши солдаты и матросы, а въ значительной степени и офицеры, обнаруживаютъ много храбрости и самоотверженія, но слишкомъ часто мы будемъ имѣть право повторять о нихъ отзывъ не помню кѣмъ сдѣланный о французскомъ войскѣ 1870 г.: ce sont des lions commandés par des ânes (это львы подъ командой ословъ).

ко «организаторовъ побѣды», сколько военныхъ талантовъ первой величины погибло у насъ въ административной ссылкѣ и на каторгѣ, въ каменныхъ мѣшкахъ крѣпостей, въ ледяныхъ пустыняхъ Сибири и на висѣлицахъ? Всѣмъ извѣстно, что нѣмецкій императоръ былъ надежнымъ защитникомъ нашего стараго порядка. Защищая его, онъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ понималъ, что существованіе этого порядка выгодно не для русскаго народа, а для нѣмецкихъ юнкеровъ и имперіалистовъ, такъ какъ облегчаетъ побѣду Германіи надъ Россіей. Вотъ почему, справившись со внѣшнимъ врагомъ, ты непремѣнно долженъ постараться какъ можно скорѣе покончить съ врагомъ внутреннимъ. Тебѣ надо подумать о томъ, чтобы разъ навсегда вырвать свою судьбу изъ рукъ упрямыхъ «ословъ» реакціи.

Какъ Вы полагаете, дорогой товарищъ, большую-ли услугу окажутъ русскому царизму люди, которые станутъ держать передъ русскимъ народомъ такія рѣчи?

Кажется, не очень большую. «Однако скажете Вы, если Россія выйдетъ побѣдительницей изъ нынѣшней войны, то ея населеніе хоть отчасти отнесетъ побѣду на счетъ своего правительства, вслѣдствіе чего хоть нѣсколько укрѣпится вѣра въ царя, такъ сильно расшатанная ходомъ предыдущаго развитія. И это, несомнѣнно, явится большимъ зломъ для Россіи». Пусть будетъ такъ! Но я все таки утверждаю, что это будетъ *меньшимъ зломъ* для нея, нежели пораженіе. Даже усиливъ на время царизмъ, побѣда приведетъ, въ концѣ концовъ, къ его гибели, такъ какъ благодаря ей, Россія избѣжитъ тѣхъ препятствій, которыя были бы воздвигнуты пораженіемъ на пути ея экономическаго развитія. Вѣдь я марксистъ. Я знаю, что, *экономическое развитіе лежитъ въ основѣ всякаго другого. И я вполнѣ вѣренъ себѣ, когда утверждаю, что то явленіе, которое грозитъ намъ экономическимъ застоемъ, угрожаетъ также увѣковѣчить нашъ стрый политическій строй т. е. увѣковѣчить царизмъ.*

Повторяю, не слѣдуетъ думать, что пораженіе даннаго отсталаго правительства внѣшнимъ врагомъ *всегда* сопровождается утратой имъ вліянія на свой народъ. Лассаль очень тонко замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что никогда населеніе Пруссіи не было такъ сильно привязано къ своему королю, какъ въ 1807 г., когда Наполеонъ разбилъ его на голову.*) Съ другой стороны, побѣдоносное окончаніе наполеоновскихъ войнъ дало въ Россіи сильный толчекъ развитію освободительнаго движенія въ томъ общественномъ слоѣ, который одинъ доступенъ былъ тогда для революціонныхъ идей. Тутъ надо принять во вниманіе также и то, что *при нынѣшнихъ обстоятельствахъ*, пораженіе германскаго имперіализма будетъ сильно способствовать возникновенію революціоннаго движенія въ самой Германіи, а это въ свою очередь ослабитъ шансы русскаго царизма. Такое пораженіе будетъ въ то же время и пораженіемъ праваго крыла германской соціальдемократіи. Ну какъ же не сказать, что *неблагопріятный для Германіи исходъ нынѣшней войны крайне желателенъ въ интересахъ революціоннаго соціализма всего міра?*

Еще и еще разъ: все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Есть много поводовъ думать, что тѣ обстоятельства, при которыхъ ведется Россіей нынѣшняя война, не приведутъ даже и къ непродолжительному упроченію царизма въ случаѣ удачнаго ея окончанія. Ни для Запада, ни для насъ, война эта не есть, какъ выражаются нѣмцы, ein Kabinetskrieg. Это,—чтобы опять употреблять нѣмецкое выраженіе, — ein Nationalkrieg. Она грозитъ ухудшеніемъ условій существованія всей русской «націи», т. е. всей нашей трудящейся массѣ. И вся наша трудящаяся масса какимъ то инстинктомъ чуетъ это. Она упорно борется, но борьба со внѣшнимъ

*) Nie war unser Königthum populärer als 1807 und Aehnliches könnte wiederkehren (Brife von Ferdinand Lassale an Karl Marx und Friedrich Engels. Stuttgart, 1902, S. 187).

врагомъ въ весьма значительной степени возбуждаетъ ея самодѣятельность. Если она побѣдитъ, то не такъ-то легко будетъ царскому правительству справиться съ общественными силами выдвинутыми войною на нашу историческую сцену.

Крѣпко жму Вашу руку.
Преданный Вамъ Г. Плехановъ.

Post-Scriptum. Мой отвѣтъ Вамъ былъ не только написанъ, но переписанъ и приготовленъ къ отправкѣ, когда я прочелъ въ «L'Eclaireur de Nice» (отъ 7-го ноября) перепечатанное этой газетой изъ «Neuen Zuercher Zeitung» извѣстіе о томъ, что Либкнехтъ, Роза Люксембургъ, Францъ Мерингъ и Клара Цеткина печатно заявили о своемъ полномъ несогласіи съ Зюдекумомъ и Фишеромъ, — т. е., съ соціальдемократическими оппортюнистами, — во взглядѣ на причины и характеръ нынѣшней войны, а также и на роль, которую играетъ въ ней соціальдемократія. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Однако, мы остаемся въ неизвѣстности на счетъ того, какъ же собственно смотрятъ на все это вышеназванные радикальные товарищи: они прибавляютъ, что осадное положеніе мѣшаетъ имъ высказаться. Это тѣмъ болѣе жаль, что вѣдь съумѣли же когда-то, несмотря на цензурныя строгости военнаго времени, высказать свой взглядъ на войну Августъ Бебель и *Вильгельмъ* Либкнехтъ!

Г. П.

Цѣна 15 сант.